

Мундир лейб-гвардии Гусарского полка.

Мундиры М. Ю. Лермонтова

Георгий Введенский
Рисунки Владимира Мезенева

Сегодня, когда мы говорим о возрождении культурных традиций нашего народа, вероятно, своевременно будет вспомнить и лучшие традиции нашей армии.

Но можно ли отделить военную культуру от гражданской?

Представителями какой культуры являются ген.-инженер Цезарь Кюи, офицер флота Римский-Корсаков? Какой культуре принадлежит Денис Давыдов, Куприн, Достоевский и, конечно же, лейб-гвардии Гусарского полка корнет, а позже поручик М. Ю. Лермонтов?

Не утратили ли мы чего-то, отделяя несправедливо военные традиции от гражданских? Не привело ли это к целому ряду ошибок в трактовах тех или иных художественных произведений, тех или иных личностей, не говоря уж о принижении понятия чести мундира и уважения к нему?

Одним из важнейших элементов военной культуры являются традиции военного мундира.

Мундир — это не только покрой, расцветка, «выпускки, погончики, петлички». Мундир — это сгусток традиций, который во многом формирует характер человека, его носящего.

Вся сознательная жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова прошла в военном мундире. На первый взгляд мундир не оставил какого бы то ни было глубокого следа в его творчестве, и тем не менее, вероятно, нельзя забыть такой важный атрибут жизни поэта, и, надо отметить,

М. Ю. Лермонтов в сюртуке лейб-гвардии Гусарского полка. Акварель А. И. Клопфера. 1839

ему он уделял столь много времени и средств.

Военный мундир в XIX столетии играл заметную роль в жизни всего общества. Его уважали, обожали, воспевали, боготворили, так или иначе, равнодушных по отношению к мундиру не было. В начале 1830-х годов еще были памятны подвиги «славного 1812 года», а просвещенное общество приветствовало военных не далее как 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Это было время, когда поэты становились офицерами, а офицеры — поэтами. Е. Боратынский, А. Одоевский, П. Катенин, Ф. Иванов, П. Чаадаев, П. Вяземский, К. Батюшков, К. Рылеев, В. Жуковский — все начинали офицерами или стали воинами, когда это было нужно Отечеству. В. Раевский, Д. Давыдов, братья Федор и Сер-

гей Глинки стали поэтами по зову сердца. А как завидовали юные лицеисты людям в мундирах, уходящим на смерть за Отчизну.

Вы помните: текла за ратью
рать.
Со старшими мы братьями
прощались
И в сень наук с досадой
возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...¹

Все юноши мечтали о военном мундире, а те, кто собирались оставаться в партикулярной службе, долго размышляли, прежде чем сделать этот шаг. А. С. Пушкин, перед которым тоже стоял такой выбор, писал своему дядюшке Василию Львовичу: «Не может нежный быть певец и вместе гвардии полковник?». И далее:

Что восхитительней, живой
Войны, сражений и пожаров.
Кровавых и простых полей
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных
гусаров.²

Конечно, время шло уже другое. Конец царствования Александра I был отнюдь не блистательным, да и восшествие на престол Николая I не внушало оптимизма, и тем не менее военный мундир пользовался еще огромным авторитетом. Особенно много легенд ходило о гусарах, об их лихости, удали, подчас невероятных приключениях. Даже классическую партизанскую войну организовал подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Васильевич Давыдов.

Осенью 1832 года еще

один русский поэт решил связать свою судьбу с лейб-гвардии Гусарским полком. Полк не был старым. Его история начиналась лишь с 1775 года, когда 19 февраля премьер-майор Бахмутского гусарского полка Штерич получил приказ о наборе в л.-гв. гусарский эскадрон.

Набирали в эскадрон 130 человек со всех гусарских полков «самых лучших видом, ростом и живостью, наблюдая при сем, чтобы оные честного и трезвого были состояния». После восшествия на престол Павел I

Мундир кавалерийского эскадрона лейб-гвардии Гусарского полка

соединил гусар и бывших при дворе Донскую и Чугуевскую команду в лейб-гвардии Казачий полк с правами старой гвардии. В 1798 году полк был разъединен на два — казачий и гусарский. С этого времени самостоятельно существовал л.-гв. Гусарский полк, как говорили, «на страх врагам и на погибель женщинам». К 1832 году полк имел георгиевский штандарт «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» и 22 георгиевские трубы с надписью «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 г.». Участвовали гв. гусары и в походе в Голландию 1799 года, и в кампаниях 1805 и 1807 годов, отличились в 1812 году и в ходе заграничного похода. В 1828-м полк бился против турок³. И вот 13 ноября 1832 года заведующий Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров генерал-адъютант Нейдгард дает предписание командиру школы К. А. Шлиппенбаху: «...недоросля из дворян Михаила Лермонтова, просящегося в л.-гв. гусарский полк, зачислить на праве вольноопределяющегося унтер-офицером»⁴. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров была совершенно особым учебным заведением. Созданная в 1823 году, эта школа должна была готовить офицерские кадры для гвардии.

«По высочайше утвержденному положению молодые дворяне, желающие определиться в школу, должны иметь не менее 17 лет и представить все нужные доказательства о происхождении из дворян, равно как и о их летах и проч.

Поелику учреждение школы имеет целью первоначальное образование молодых дворян желающих служить в Гвардии... то сообразно с сей целью ...требуются от дворян для принятия их в школу при определении в Гвардию следующие познания»⁵.

Далее следует перечень дисциплин, которые должно отлично знать: математика, история, география, французский или немецкий; и, что самое любопытное, это то, что требовалось совершенное знание русского языка: грамматики, грамматического разбора, сочинения. Школа же углубляла знания и давала профессиональные военные дисциплины.

По исполнении всех необходимых формальностей Михаил Лермонтов надел мундир л.-гв. Гусарского полка, и с этих пор вся его короткая замечательная жизнь была связана с военным мундиром. 18 декабря того же года Лермонтов стал юнкером. Юнкерский эскадрон состоял из 4-х отделений: 2-х кирасирских, одного уланского и одного гусарского, в которое и был определен молодой гвардеец. Вероятно, именно разнообразие форм дало шутовое название, употребляемое в самой школе: «Пестрый эскадрон». В тот период воспитанники школы носили мундиры полков, к которым они были приписаны. Разумеется, в николаевскую эпоху подобная пестрота во фрунте была просто невыносима. Косвенные свидетельства (в том числе и стихи Лермонтова) позволяют предположить, что для внутреннего употребления уже начинали вводить форму, которая официально была утверждена лишь 8 октября 1838 года в качестве «классного и вседневного обмундирования». Кавалеристы (а школа делилась на пехотную роту и кавалерийский эскадрон) носили темно-зеленую фуражку с алой выпушкой и алым околышем, серо-синие рейтузы с красной выпушкой, подшитые кожей, и, конечно же, куртку — вероятнее всего, по образцу кадетских корпусов, ибо именно она была введена в 1838 году. Эта куртка, воспетая Лермонтовым в «юнкерской молитве», действительно была весьма тесной и для вне-

фрунтовой жизни приспособлена плохо. Однобортная, о 9 пуговицах, с темно-зеленым стоячим воротником, красной выпушкой по борту и обшлагам. Прибор золотой, а о цвете погон ничего определенного сказать нельзя, но, вероятнее всего, они были красные (как в 1838 году)⁶.

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,

Мундир Гродненского гусарского полка

В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас⁷.

Тем не менее в манеже юнкерам должно было нравиться больше, ибо кони им полагались в полном уборе своих полков и, следовательно, отделение легкой кавалерии выглядело весьма эффектно. К тому же, по воспоминаниям однокашников, Лермонтов держался в седле прекрасно, а происшедший с ним казус* приписывали молодечеству и желанию выделиться. Не от этого ли желания стремился он в легкую кавалерию, ведь его двоюродный дедушка Н. А. Столыпин писал: «Мы первые в кампании 1812 года показали истинное употребление легкой кавалерии... Одним словом, нет рода службы, в котором в офицерских чинах можно было бы оказать более полезных заслуг»⁸.

Мундир делал службу весьма трудной. Главной трудностью было неукоснительное соблюдение формы. А. Е. Розен описывает эпизод, происшедший с ним в 1818 году. «Летом, в теплую погоду, отправился чрез Исакиевский мост для прогулки; под расстегнутым мундиром виден был белый жилет, шляпа надета была с поля, а на руках зеленые перчатки, одним словом, все было против формы, по образцу тогдашнего щеголя. С Невского проспекта повернув в Малую Морскую, встретил императора Александра; я остановился, смешался, потерялся, успел только, повернуть поперек шляпу. Государь заметил мое смущение, улыбнулся и, погрозив мне пальцем, прошел и не сказал ни слова»⁹. Разену повезло. В 1830-е годы такое уже даром не проходило. Хотя, как мы видим

* Желая показать свою личость перед старшими классами, Лермонтов не справился с конем и повредил ногу.

из рассказа Розена, мешало соблюдению формы не столько ее неудобство (это вопрос весьма спорный), сколько резвость юнкеров и желание нашкодить. Разумеется, это касается не только юнкеров, но и обер-офицеров гвардии. В это время развивается своего рода спорт: молодежь выдумывала разного рода шалости в области формы, а командир Гвардейского корпуса великий князь Михаил Павлович к вечеру выходил «на охоту» за нарушителями. Шалости были, конечно, не только в области формы. Излюбленной шуткой было перевешивание торговых вывесок на Невской перспективе. За это чувствительно наказывали, но ничто не помогало.

Все эти неурядицы меркли перед ожидаемым производством. 4 августа 1833 года Лермонтов писал М. А. Лопухиной: «Я не подавал о себе вестей с тех пор, как мы отправились в лагерь... Мы возвратились в город, и скоро снова начинаются наши занятия. Лишь одно меня ободряет — мысль, что через год я офицер! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намерен вести!.. О это будет чудесно: во-первых, причуды, шалости всякого рода и поэзия, купающаяся в шампанском...»¹⁰.

И вот наконец 22 октября 1834 года Михаил Юрьевич Лермонтов стал корнетом. О его попытках играть гусара написано уже много, да и о гусарских мундирах говорят, как правило, больше, чем о каких-либо других.

Описывать на словах гусарский мундир — дело неблагодарное. Этот мундир нужно видеть, им нужно любоваться. Появившиеся в 1456 году в Венгрии гусарские полки во всех странах во все века сохраняли элементы венгерского национального костюма. Ментики, доломаны, расшитые шнурами-брандербурями, ташки, цветные пояса — все это делало гусарский мундир чрезвычайно

эффектным. В некогда широко известной песенке «Журавель», некоторые куплеты которой можно датировать началом прошлого века, зависть к гвардейским гусарам сквозит достаточно явно:

Разодеты как швейцары
Царскосельские гусары.

Не исключено, что и эта, плохо скрываемая зависть делала гусарский мундир особенно любимым для тех, кто его носил.

Следующий куплет перекликается со словами Лермонтова о поэзии в шампанском:

Лейб-гусары пьют одно
Лишь шампанское вино.

Символом гусарства являлись не только мундир и шампанское, но и воспетые еще Денисом Давыдовым усы. До начала 1830-х годов усы было разрешено носить только представителям легкой кавалерии, т. е. уланам и гусарам. В те времена, когда служил Лермонтов, усы было разрешено носить практически всем, но пользовались этим разрешением, по традиции, в основном представители легкой кавалерии. С начала века усы считались признаком сорвиголовой, лихого рубаки, и, конечно, светский человек, человек комильфо, не мог носить такое компрометирующее украшение. Это было еще одно отличие, обзавестись которым стремился каждый, поступавший в гусары, и на всех портретах Лермонтова мы видим маленькие лихо закрученные усики.

Должно заметить, что гусарский мундир, и тем более гвардейский, был самым дорогим мундиром. Именно это соображение удержало в свое время от вступления в л.-гв. Гусарский полк А. С. Пушкина¹¹. Что до Лермонтова, то он, имея любящую бабушку, мог не беспокоиться о деньгах.

Еще до выпуска из школы любимого внука бабушка заказала мундир и вицмундир и шинель и все, что необходимо молодому офицеру.

Дважды Лермонтов служил в л.-гв. Гусарском полку. Первый раз — по выходе из училища и до 25 февраля 1837 года и второй раз, после первой ссылки, — с 24 марта 1838 года по 13 марта 1840 года. В это время появляются его портреты кисти Ф. Будкина (1834), П. Заболотского (1837), А. Клондера (1839). На всех он изображен в мундире л.-гв. Гусарского полка.

Бабушка сама занималась мундиром. Ее Миша должен был всегда выглядеть

лучше всех: «Милый любезный друг Мишенька... посылаю тебе... 1400 р. ассигнациями, да писало брату Афанасию, чтобы он тебе послал 2000 р... до смерти грустно, что ты нуждаешься в деньгах, я к тебе буду посылатъ всякие три месяца по 2000 и 500 р., а всякий месяц хуже слишком помалу, а может иной месяц мундир надо шить...»¹².

Если принять во внимание, что корнет получал годового жалования 276 р., то это было подспорье немалое и весьма важное. Достаточно напомнить, что только султан на шляпу к вицмундиру стоил 150 р. Да, дорого, но что делать, затраты оправдывались, ведь именно мундир открывал двери высшего света. Недолго было суждено поэту носить гусарский мундир, уже в начале февраля 1837 года появились знаменитые и роковые для него 16 строк к стихотворению «На смерть поэта», а уже 25 февраля он последовал на Кавказ в Нижегородский драгунский полк.

Перевод из гвардии в армию тем же чином, разумеется, был наказанием. Тем не менее Нижегородский драгунский полк считался на Кавказе одним из лучших, показательным, чуть ли не парадным, смотровым полком. Старейший из полков русской армии, созданный еще в 1701 году Петром Великим, участвовал в Полтавской битве и других сражениях Семилетней войны. С 1792 года нижегородцы беспрерывно несли службу на Кавказе¹³.

Признаться, офицеры на Кавказе не слишком придерживались формы. В обиходе были основные элементы местного национального костюма, апробированного веками в данных условиях. Употреблялись черкески, папахи, бурки и, конечно же, такое оружие, как шашки и камы (прямые кавказские кинжалы). В письме Раевского Михаилу Юрьевичу писал: «...извездил Линию... оде-

Мундир Нижегородского драгунского полка

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837

тый по черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крики шакалов... Примеряясь к способам ведения войны горцев, приходилось жить под открытым небом»¹⁴.

На Кавказ стремились в это время многие. Это было вызвано желанием проверить себя, проявить свою личность, а главное, вероятно, желание вырваться хоть на время из фрунтовой рутины, да и, наконец, просто отличиться. Разумеется, бывшие гвардейцы без особого уважения относились к форме армейских полков вообще и Кавказского корпуса в частности. Достаточно вспомнить, что Михаил Юрьевич позволил себе иронизировать по поводу мундира своего нового полка.

Так, в «Княжне Мэри», описывая внешний вид «шумной и блестящей кавалькады», писал: «кавалеры в костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским...»¹⁵. Кроме памятной грибоедовской «смеси французского с нижегородским», выражающей амбиции при отсутствии аммуниции, мы видим здесь откровенную насмешку над новым мундиром Нижегородского драгунского полка. Уже было отмечено, что это был не обычный полк, а, если так можно выразиться, «полк на виду», именно поэтому за долгие и верные службы на Кавказе ему были присвоены элементы кавказского национального костюма. 20-го дня июня месяца 1834 года Нижегородскому драгунскому

полку присвоено новое обмундирование: шапка овчинная, куртка темно-зеленая с красным воротником. На воротнике выпушка темно-зеленая, на обшлагах — красная. На груди размещаются темно-зеленые патронники на шесть патронов (газыри в газырицах), патроны прикреплены золочеными цепочками к круглым золоченым бляхам на груди. Шаровары казачьего образца темно-зеленые с красным однорядным лампасом. Эполеты чешуйчатые с красным подбоем. Лядунка с серебряной крышкой на золотой перевязи¹⁶. Впервые шапка «азиатского образца» была введена в это время для Нижегородского драгунского полка. Вероятно, эта форма, несмотря ни на что, нравилась, ведь Лермонтов изобразил себя на автопортрете именно в ней. Не исключено, что импонировала некоторая экзотичность мундира, которая позже стала исчезать с присвоением этих элементов другим полкам Кавказского корпуса.

10 октября 1837 года на Дубийском поле под Тифлисом император Николай I делал смотр полкам Кавказского корпуса, в составе которых находились четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка. Государь остался доволен состоянием частей и особенно отметил нижегородцев.

Косвенно этот смотр повлиял на судьбу поэта — хотя он так и «не успел» приехать в полк, тем не менее 11 октября последовало высочайшее определение «прапорщика Лермонтова Л-гв. в Гродненский гусарский полк корнетом». Квартировал полк в то время в Новгородской губернии.

Разумеется, как и в прошлый раз, особой поспешности попасть к новому месту службы корнет не явил: «Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствий и многих плясок в Москве, я благословил во-первых всемогущего Аллаха, разостлал

Кадры из кинофильма «Лермонтов».
В роли Лермонтова — артист Николай Бурляев

ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия, и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний... Бабушка ...надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я еще здесь обмундировываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород». В конце февраля 1838 года корнет Лермонтов числится в 4-м эскадроне л.-гв. Гродненского гусарского полка. Только в 1824 году был создан этот полк. Служба в столь молодом

полку была не менее престижна, нежели в старой гвардии¹⁷.

27 февраля 1833 года гродненцам сменили форму. Долман и ментик стали алыми, с алым воротником и обшлагами, чакчиры и ташка — светло-синие. Прибор в этом полку был серебряный¹⁸. Следующие изменения в мундире полка произошли 21 мая 1838 года, но Михаила Юрьевича Лермонтова в Гродненском полку уже не было.

Бабушка не только надеялась, она еще и действовала

целенаправленно и целеустремленно, и в конце концов ее старания увенчались успехом. 24 марта корнет Лермонтов переведен обратно в л.-гв. Гусарский полк, и уже 14 мая 1838 года (опять не торопясь) он прибывает в царскосельскую Софию, где квартировали гвардейские гусары.

Через полгода произошло важное событие в жизни поэта: корнет Лермонтов стал поручиком. Казалось, что прежние беды забыты и перед поэтом снова открывается блестящая карьера, но 12 часов пополудни 18 февраля 1840 года произошла дуэль между поручиком Лермонтовым и сыном французского посланника Эрнестом де Барантом, результатом которой стала новая ссылка на Кавказ в Тенгинский пехотный полк.

Николай I «изволил сказать, что переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание».

В начале мая М. Ю. Лермонтов выехал в Москву. 9 мая он у Погодина на именинах Гоголя, 10 мая — у Свербеевой, 12 мая — у Марьиных и т. д. и т. п. На Кавказ поручик отбыл лишь в начале июня с заездом в Новочеркасск к генералу Хомутову. После представления генералу Граббе, командовавшему Кавказской линией, Михаил Юрьевич не был отправлен в полк назначения. На левом фланге готовилась экспедиция против горцев, и ее командир генерал-лейтенант Галафеев испытывал нужду в опытных кавалерийских офицерах. Лермонтов оказался именно тем офицером, который был там нужен.

За время экспедиции он участвует во всех схватках, стычках, перестрелках. Презирая опасность, бросается на численно превосходящего врага. Постоянно ведет себя «с отменным мужеством и хладнокровием».

В сентябре и октябре он участвует еще в двух экспедициях под командой гене-

рала Галафеева, в ходе которых самым сильным и кровопролитным был бой 30 октября на реке Валерик, действовал он «всюду с отменной храбростью и знанием военного дела»¹⁹. Все это дает возможность предположить, что мундира Тенгинского пехотного полка Лермонтов так и не надел.

Но в чем же тогда он появился в Санкт-Петербурге в начале февраля 1841 года, получив свой 2-месячный отпуск? Современники пишут, что он был отлично принят в свете. Ничего удивительного. Закаленный в боях воин, награжденный наградой, с меланхолической улыбкой светского льва, уставшего от внимания, поэт, ореол таинственности, скептический ум, среди друзей шутник, неистощимый на выдумки, балагур. Так, или примерно так, говорят о нем разные люди, с которыми он встречался в этот период. Офицер в отпуске не мог ходить в партикулярном

платье. Этого требовали писанные и неписанные законы. Тем более, что он был на виду, принимался в свете, за ним наблюдали.

Ответить на этот вопрос в какой-то степени нам может помочь портрет Лермонтова, написанный в марте этого же, 1841 года художником К. Горбуновым. На нем он изображен в сюртуке без эполет, с шашкой на боку. Вероятнее всего, именно так он появлялся в петербургском обществе, выделяясь своим кавказским фронтальным видом из общей массы светских салонов и вызывая тем самым повышенный интерес окружающих. Таких офицеров мы можем часто видеть на кавказских полотнах кн. Гагарина.

Не мог кавалерист надеть пехотный армейский мундир — это обуславливалось психологией человека того времени, тем более, что и воевал он в качестве кавалерийского офицера, а офицерский сюртук был одеж-

дой более или менее нейтральной, в которой он мог ходить и не нарушая формы, и демонстрируя неприятие своего нынешнего положения.

Мы привыкли думать, что служба всегда была Лермонтову в тягость, что он мечтал об отставке. Да, это имело место в некоторые периоды его жизни. Но то была его жизнь, частица его самого. Если бы не так, Россия не имела бы в лице Лермонтова поэта такой эмоциональной силы, такой жизненной мощи. Не было бы его кавказских произведений, составляющих большую часть его творчества. Не пережив такого огромного психологического накала, какой переживает человек в бою, он не смог бы, вероятно, написать стихотворение такое, как «Валерик», не смог бы так точно и сдержанно описать сражение, да и характеры своих героев-офицеров Кавказского корпуса и горцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. — М., 1957. Т. 3. С. 375.
- ² Там же. Т. 1. С. 257.
- ³ Шенк В. К. Гвардия. (Справочная книжка имп. главной квартиры). Спб., 1910.
- ⁴ Лермонтов М. Ю. Соч. в 4 т. — М., 1958. Т. 4. С. 564.
- ⁵ Положение о школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Приказ № 85 от 1 мая 1830 г.
- ⁶ Звегинцов В. В. Русская армия. — Париж., 1975. — Ч. 5. С. 564.
- ⁷ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. — Т. 1. С. 291.
- ⁸ Марченко А. С. Подорожной по казенной надобности. — М., 1984. С. 159.
- ⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. — Иркутск, 1984. С. 111.
- ¹⁰ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. 4. С. 433.
- ¹¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. — М., 1984. С. 64.
- ¹² Марченко. Указ. соч. С. 191.
- ¹³ Шенк В. К. Кавалерия. (Справочная книжка имп. главной квартиры) — Спб., 1914.
- ¹⁴ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. — Т. 4. С. 450.
- ¹⁵ Там же. Т. 4. С. 88.
- ¹⁶ Звегинцов В. В. Указ. соч. С. 527.
- ¹⁷ Шенк В. К. Гвардия. (Справочная книжка имп. главной квартиры). Спб., 1910.
- ¹⁸ Звегинцов В. В. Указ. соч. С. 501–502.
- ¹⁹ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. 4. С. 582–583.